

Юлия Басова

Вересковое счастье

-Ты чего?

Жена нахмурилась и слегка отстранилась, словно бы заподозрила его в каком-то злом умысле, в обмане.

-Ничего, - поспешно ответил Толик, силясь посмотреть ей прямо в глаза. Чтобы доказать. Нет, скорее, выдержать её испытующий взгляд. Выдержать, потому что ему не за что оправдываться.

И чувствовать себя виноватым – тоже не его удел. Ну, оступился однажды, с кем не бывает... Все люди, рано или поздно, совершают ошибки. А он – человек. И звучит это гордо!

Однако, взгляд у Танюшки оказался таким тяжёлым, что Толик сдался довольно скоро, и уныло потупился, разглядывая острые носы своих лаковых ботинок. Сейчас они казались ему какими-то несуразными, неправдоподобно длинными, даже уродливыми, отчаянно не соответствующими случаю.

-Всё о ней думаешь? О шалаве своей? – Танюша, ещё пару мгновений назад, так нежно обнимавшая мужа после долгой разлуки, снова стреляла в него неудобными, тяжёлыми вопросами, яростно сверлила своими желтовато – серыми очами, рвалась затеять новый скандал. Неужели, не натерпелась она за несколько месяцев одиночества в статусе разведёнки? Ну, неужели ничему жизнь её не научила?

Толик горестно вздохнул и съёжился. Он даже почувствовал себя, как много лет тому назад, в школе, когда злобная завуч Тамара Тимофеевна через день устраивала ему разносы при всём классе. И чего эта толстая баба так его не любила все эти годы? Как надо кабинет алгебры перед ремонтом помогать от парт освобождать – так сразу Партков, как учебники из Газели разгружать для библиотеки – опять – Партков, и ни спасибо тебе, ни пораньше с уроков.... А если что-то не то сделал – за курением был застукан, или прогулял ненавистную физику – так прямо злодей, мерзавец, дрянь, подонок. И чихвостила при всё честном народе, орала, грозила родителей вызвать в школу. А он стоял, скукожившись, сжавшись, понурился, и молчал, молчал, молчал, и терпел....

И сейчас стерпит, он же к жене пришёл, как никак... Мириться.

Пришёл, чтобы снова с ней жить, растить их общих детей. В количестве трёх штук, на минуточку...

-Ты, что? – хищно прищурилась жена, - меня тут лапаешь, а всё о сучке своей мечтаешь, а? Так, вали к ней, вали! На хер не упёрся детям такой отец! Сама как-нибудь выращу, на ноги поставлю!

Она сжала свои маленькие кулачки и выглядела так, словно была готова тот час обрушить их на своего непутёвого супруга.

Как только она заговорила о детях, сердце Толика болезненно сжалось. Он ведь по ним скучал, к ним рвался, места себе не находил все эти дни....

И вот - не смог. Не сумел. Не выдержал. И никакой запах вереска в волосах, никакие шёлковые простыни, никакие стоны по ночам, ничто не смогло удержать его ТАМ. Он просто собрал вещи и вернулся домой. По пути позвонил жене, чтобы узнать – готова ли, ждёт ли, простила ли....

Не простила. Хоть и обрадовалась вроде сперва. Однако, обида всегда сильнее.

-Тань, ну ты что? А? Ну, чего опять завелась? – не выдержал он, с собачьей тоской заглядывая жене в глаза, - ну, что было, то прошло, забыли... Понимаешь?

Он попытался улыбнуться, но пересохшие губы, которые ещё пару дней назад были покрыты поцелуями ТОЙ, красивой, умелой, пьянящей.... Разлучницы. Ну, или суки. Это уже Танюшина интерпретация...

Пусть. Лишь бы простила его.

-Ты с ума что ли сошёл? Забыть такое? Да ты понимаешь, что городишь? – Танюшка перешла на визг, нервно раскачиваясь из стороны в сторону, как в бреду, - да как я с тобой в постель то лягу теперь после этого, Дон Жуан херов?!!

Её маленькое тревожное личико стало на глазах покрываться пунцовыми пятнами, а губы, наоборот, побледнели, даже посерели, сложившись вместе недовольной, обиженной «подковкой вниз». Она одновременно и постаревшей ему показалась, и какой-то маленькой, беспомощной, на несчастного, обделённого ребёнка похожей. Толику стало жалко её. До слёз, до крика, до тошноты жалко. То есть, захотелось и рыдать, и кричать, и даже блевать, почему-то... Лишь бы полегчало. Ей полегчало. А он справится. Он же мужик, в конце концов.... И у него – семья, а за семью можно и пострадать. Его ведь семья, его.

И не заставлял никто Толика её создавать. Сам забрался к Танюшке в окно пятнадцать лет назад, когда та, ещё совсем юная, вчерашняя школьница, легла спать у себя к девичьей комнатке, в подмосковном Подольске.

Как сейчас он помнит: в тот роковой для обоих вечер он долго ходил под её окнами с букетом ромашек, собранном на ближайшем поле, и ждал, когда в спальне её родителей погаснет свет. Наконец, в их окнах, занавешенных

цветастыми порттьерами, стало темно. Он ещё немного подождал: пусть заснут сначала. И вот, уже и у Танюшки в комнате погас ночник. Толик глотнул водяры для храбрости, прямо из бутылки, которую весь вечер носил за пазухой, и полез. Благо, второй этаж.

-Танюш, - просипел он, тихонько отодвигая створку и с неким подобием комфорта устроившись на подоконнике, словно каждый день только тем и занимался, что в окна залазил.

-Ты? – опешила его будущая жена, - с ума сошёл? Если тебя отец здесь застукает, нам обоим прилетит. Давно по заду из дробовика не получал?

-Замуж за меня пойдёшь? – не обращая внимания на её тёплое приветственное слово, выпалил он, пьяно щурясь, и стараясь разглядеть в темноте все волнующие особенности её девичьего силуэта. Ни разу им не тронутого, между прочим.

-Замуж? Ну, не знаю..., - теперь Танюшкин голос зазвучал мягче, проникновеннее, - а где мы жить будем? Не с моими же предками и сестрой.

-Я на работу устроился, - угрюмо пробубнил он, стараясь уклониться от неудобного, и пока абсолютно неразрешимого вопроса, - не бойся, с голоду не помрём.

-Кем трудиться будем? – Танюшка, вроде, даже повеселела.

-Охранником, - мрачно ответил он, почему-то разом трезвея.

Ещё пару минут назад, там, внизу, эта идея с женитьбой казалась ему очень хорошей. А что? Работа – в кармане, Танюшка – его жена, а, значит, можно будет с ней делать всё то, о чём он частенько размышлял долгими ночами, лёжа под ватным одеялом у себя в крошечной комнатушке общаги.

Правда, на тот момент, он не был настолько сведущ «в таких» делах, чтобы чего-то там особенное себе нафантазировать. Так, чтобы всё, как у людей. Женатых.

Это уже потом, с ТОЙ, понял Толик, что значит, воплощать в жизнь свои фантазии. Самые смелые, самые бесстыдные, самые развратные и самые страстные...

....-Танюш, - мямлил он, всё ещё не отрывая понурого взгляда от своих остроконечных ботинок, - ну, права ты, права. Во всём права. Я не буду настаивать, если ты со мной спать не будешь пока. Я дождусь, когда ты вновь меня полюбишь и мы опять будем счастливы...

-Счастливы?!! Счастливы?!! – визгливо передразнила жена, - да ты, дурак, и правда думаешь, что с тобой можно быть счастливой? Я же тебя знаю, сейчас со мной пару месяцев потрёшься, и пять налево попрёшь.

-Нет, Танюш, не попру, - машинально возразил он, пытаюсь понять, любит ли он ещё свою жену, или так, из чувства вины и долга стоит здесь, выслушивая все эти обвинения. По большей части, беспочвенные, кстати. Ведь за всю их долгую семейную жизнь он лишь один раз то и «попёр налево». К ТОЙ, которая пахла вереском. Только, это ведь даже не измена была, а Любовь. Правда, Танюшке этого не объяснишь... Вон, как бесится, слово фурия, с цепи сорвавшаяся.

И откуда вдруг такой темперамент взялся у неё, страсть такая - откуда? Она бы лучше в постели так орала, а не нет... Там она лежит, как брѣвнышко, не шелохнётся.

Толик ещё в первую брачную ночь заметил, что его единственная не очень то хочет близости. Когда он, наконец, добрался до её хрупкого тела, укутанного объёмным свадебным нарядом, словно бинтами перемотанного, и, нетерпеливо сорвав с неё все эти тряпки, вошёл в святая святых, она даже не пискнула. Ничего, подумал он, наверное больно было, в первый раз то...

А потом был второй, третий, двадцать третий... А она всё лежала тихонечко, сложив руки вдоль туловища, не отрывая немигающего взгляда от потолка, словно прикидывала – когда надо будет этот потолок белить.

Вся их семейная жизнь пронеслась у Толика перед глазами – ссоры, перемирия, рождение детей, ремонты, переезды.... После женитьбы дела у Толика в гору пошли, недолго он охранником работал. Вскоре и квартиру отдельную купили, и машину. Может, женись он на ком-то другом, и не было бы у него всего этого? Кто знает? Столько пережили вместе, через столько прошли, разве забудешь такое? Разве можно после этого не любить её, Танюшку? Вот он и любит - как своего родного человека, как родственника, как ребёнка. Почти как мать с отцом, но вовсе не так, как ТУ, что пахла вереском.

Или то страсть была, а вовсе не любовь? Нет, любовь. Толик нахмурился, силясь понять своим растерянным умом, не способным к подобного рода упорным размышлениям, в чём разница между этими двумя чувствами, но мысли предательски путались, переплетались, терялись в его бедной виноватой голове.

-Чего замолк? – пронзительный голос жены моментально вывел его из задумчивого ступора, - домой пойдём, дети ждут.

-Пойдём, - послушно кивнул отец семейства и только сейчас вспомнил, что они с женой всё это время стояли во дворе их многоэтажки, а отпрыски с волнением

наблюдали из окна за их примирением, приплюснув любопытные ребячьи носы к свежeweымытому, бликующему на раннем весеннем солнце, стеклу.

Настрадалась, поди, ребятня то без отца... Несмотря на то, что Танюшка, наверняка, всё это время его лишь кобелём да гадом величала при детях, всё равно отца ничем не заменишь. Даже такого, блудного...

А Танюшка долго не разрешала ему с ними видеться, мстила, как умела.... Ну, по сути, чем ещё она могла ему насолить? Толику и не нужно ничего было от неё все эти месяцы, пока он ловил запах вереска, доносящийся от любимых каштановых локонов, но дети...

Как же он скучал по ним, по этим лучикам солнца, по звёздочкам своим ненаглядным – Пашке, Ниночке и Серёжке!

Пока ехали в лифте, Толик попытался поймать отстранённый Танюшкин взгляд, чтобы домой они уже вошли рука об руку, помирившись, вновь став единым целым, но жена упорно делала вид, что находится в кабине в полном одиночестве. Нет, ну вот откуда снова такая ненависть? Ведь обнимались пару минут назад, во дворе, она даже ему за букет иссиня-красных, дорогущих роз, который он ей приволок, «спасибо» сказала... А потом вдруг отпрянула, начала орать и обвинять мужа во всех смертных грехах...

-Танюш..., - умоляюще протянул он, - ну, что мне сделать, чтобы всё было, как раньше, а? Я ведь люблю ЛИШЬ тебя...

Про себя подумал, что ведь как тут не покривить душой, не соврать во имя спасения?

-Ладно уж, - как-то обречённо, с усталым исступлением в голосе, вздохнула жена, - учти, только ради детей в дом тебя пускаю. Ещё раз повторится подобное, ещё раз у тебя, кобеля, чувства к кому-то разыграются, больше никогда не увидишь ни детей, ни меня. Понял?

Толик поёжился и покорно кивнул. Створки лифта раскрылись, и малышня, уже высыпавшая на лестничную клетку из квартиры, шумной толпой бросилась ему на шею. Он зарылся в их тёплые детские макушки, слово в облако нырнул, счастливый, и, в то же время, обезумевший от одной лишь мысли, что всего этого мог бы быть лишён, если бы не вернулся домой...

Если бы не оторвался бы от того верескового взгляда, от манящего плена мягких, пушистых волос и гладких нежных рук, шелковистых покатых грудей, бронзового живота, покрытого светлыми короткими волосками, переходящего в томительное, пульсирующее, стонущее, почти мучительное, уносящее вдаль, заставляющее орать, биться в конвульсиях, не помня себя от наслаждения, от

страшного в своей бесконечности и силе, надвигающегося оргазма, который накрывает каждый раз так мощно, там стремительно, словно цунами....

-Милые вы мои, - повторял Толик, целуя всех детей, не разбирая их, не в силах видеть их милых лиц из-за так некстати выступивших на глазах слез, - папка приехал.

-Ты теперь никуда не уйдёшь? – с испугом уточнил младший, Серёженька, и, не дожидаясь ответа, зарылся всем своим крошечным личиком в отцовский свитер.

-Никуда, - отчётливо и серьёзно пообещал Толик.

Оторвал сына от пола, покачал на руках и одним взмахом усадил себе на загривок. Ребёнок счастливо взвизгнул и вцепился в отцовскую шею, а затем, неожиданно нежно начал гладить Толиково лицо.

Его маленькая тёплая ладошка пахла жевательной резинкой, манной молочной кашкой, детским печеньем, и Толик вдруг понял, что запах вереска он позабыл. Сразу и навсегда.

И не знал он того, не ведал, что в самом дальнем уголке его большого глупого сердца, выпотрошенный и распятый, покинутый и поруганный, всё равно будет бережно храниться, маяться, переливаться и теплиться, маленький кусочек того самого «уже-невозможного», но всё же случившегося с ним однажды, верескового счастья...